

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: монолог, диалог, повесть «О бедах и скорбех...», патриарх Гермоген, польский король

для цитирования: Туфанова О. А. Летописная повесть «О бедах и скорбех...»: особенности включения прямой речи // Русская речь. 2019. № 3. С. 96–104. DOI: 10.31857/S013161170004467-2.

From the History of the Russian Language

Chronicle Story “*About Troubles and Sorrows...*”: Features of the Inclusion of Direct Speech

Olga A. Tufanova, A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), tufoa@mail.ru

ABSTRACT: The article explores the specifics of using a form of dialogue and a monologue as part of the Pskov chronicle story “*About troubles and sorrows...*”. These speech genres are used only during the events involving struggle for the throne. Their peculiarity in the episode of Moscow capture is that these dialogues are not fully expanded, but there are only several replicas connected with each other ideologically and thematically, but without impression of speech continuity. The dialogue between Patriarch Hermogenes of Moscow and the people of different social backgrounds is suppositive: first lines have no greetings and don't introduce the communication. Participants of the dialogue have a common cognitive base, i.e. information, they have, but diametrically opposed target points. The monologues of the Polish King are the answers to the request of the Russian ambassadors, came to ask his son to be the king, — are the reversed monologues, demanding no replies, but actions. In general, monologues of the Polish King and dialogue between Patriarch Hermogenes of Moscow and the people, reflecting the thoughts, feelings, and intentions of the

characters, explain further events and the plot development, forces alignment on the eve of the city's capture without a battle, as well as determine the line of characters' behavior.

KEYWORDS: monologue, dialogue, the story “About troubles and sorrows...”, Patriarch Hermogen, Polish king

FOR CITATION: Tufanova O. A. Chronicle Story *About Troubles and Sorrows...*: Features of the Inclusion of Direct Speech. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 3. Pp. 96–104. DOI: 10.31857/S013161170004467-2.

Псковская летописная повесть «О бедах и скорбех и напастех», созданная после 1625 г., по словам С. Ф. Платонова, представляет «известный историко-литературный интерес» (цит. по: [Тихомиров 1969: 18]), несмотря на то что автор «внес в свое повествование много басен, примером которых может служить его рассказ о свержении Шуйского» [Платонов 2010: 500].

Парадоксальность и необычность событий Смуты приводит псковского автора к поискам адекватной формы их запечатления. Рассказываемые им события, связанные в его сознании причинно-следственными отношениями, требовали осмысления и объяснения. И потому огромную роль в его тексте начинают играть монологи и диалоги, выполняющие различные функции.

В последнем эпизоде памятника в центре внимания оказывается судьба Москвы, отданной некоторыми «отъ болярска роду» [ПСРЛ: 60] без боя полякам. Используя формы коротких монологов и диалога, автор повествует о том, что предшествовало сдаче города гетману Жолкевскому.

В работе «Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам “Повести временных лет”)» В. С. Савельев отмечал, что «первичной причиной коммуникации служит **экстралингвистическая** (выделено автором. — О. Т.) ситуация — некое положение дел в окружающем мире (во внеязыковой действительности), побуждающее Коммуниканта-1 вступить в контакт с Коммуникантом-2. <...> в ПВЛ ситуации, провоцирующими общение, служат войны, борьба за (пре)столонаследие, поиски веры и немногие другие. Разумеется, эти ситуации были не единственными в жизни героев ПВЛ, заставлявшими их говорить, однако для летописи релевантными оказались именно эти ситуации, поскольку они заставляли персонажей выполнять определенные **со-**

циальные функции (выделено автором. — О. Т.) — князя, друдинника, священнослужителя...» [Савельев 2010: 486–487].

Нечто подобное наблюдается и в памятнике «О бедах и скорбех...». Диалоги появляются в тексте исключительно в ситуациях, связанных с борьбой за престол.

В анализируемом фрагменте первый диалог происходит между «вси людіє всѣхъ чиновъ» [ПСРЛ: 59] и патриархом Гермогеном. Точнее, перед нами не полноценный развернутый диалог, представляющий собой цепь «лаконичных высказываний», когда каждая «последующая реплика зависит от предыдущей, составляя отклик на нее» [Хализев], а всего три реплики, идеино-тематически связанные друг с другом, но не создающие впечатления непрерывности речевого акта. Вместе с тем все реплики коммуникантов имеют четко определенную цель: «или побудить собеседника к действию, или поделиться с ним своим знанием, мнением или эмоцией» [Савельев 2010: 487]. При этом Коммуникант-1 — это не конкретный человек, а собирательное множество людей всех чинов, пришедших к патриарху Гермогену, чтобы выразить свою волю и желание: «не хотимъ сего царя Василія видѣти на царствѣ, и да послеши къ Польскому королю Жигкимонту, да вдастъ намъ на царьство сына своего Владислава» [ПСРЛ: 59]. С этой реплики и начинается диалог между людьми всех чинов и патриархом.

Но диалог носит весьма условный характер, поскольку первая реплика Коммуниканта-1 не содержит приветствия, не вводит в ситуацию общения, а заключает в себе идею, цель. Словесный ответ патриарха Гермогена приводится не сразу, автор сначала дает обобщенный вариант, видимо, продолжительного монолога через введение косвенной речи: «Патріархъ же наказуя много глагола имъ, еже бѣ прежде пакости много отъ нихъ Польскихъ людей, егда придоша съ Гришкою Отрѣпьевымъ» [ПСРЛ: 59]. И только после этого в тексте появляется ответная реплика: «а нынѣ же чего еще чаete, токмо конечного разоренія царьству и христіянству и вѣрѣ? или не возможно вамъ избрati на царство изъ князей Русскихъ?» [ПСРЛ: 60].

Перед нами, таким образом, оказывается фрагмент, сочетающий нарративный режим диалоговедения, отличительной особенностью которого является «установка на монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова 2005: 183], и реplицирующий, поскольку участники диалога с обеих сторон «стремятся достичь перлокутивного эффекта, т. е. быть действенными» [Савельев 2010: 503]. У них общая когнитивная база, т. е. информация, которой они владеют, но диаметрально противоположные целевые установки.

Из всего потенциально долгого диалога автор приводит только те реплики участников, которые максимально точно представляют их комму-

никативные намерения. «Согласно теории речевых актов, каждое произнесенное **высказывание** (выделено автором. — О. Т.) отражает коммуникативное намерение говорящего — то, ради чего он это высказывание произносит: это могут быть просьба, совет, предложение, угроза, согласие и другие **иллокутивные функции** (выделено автором. — О. Т.)» [Савельев 2010: 489–490]. Если собирательное множество добивается внешнего перлокутивного эффекта (т. е. «изменений, которые речевой акт вызывает в ситуации общения, и в первую очередь в мыслях, чувствах и поведении адресата») [Кобозева 2000: 260]), пытаясь заставить наделенного властью собеседника направить послов к польскому королю, чтобы он дал своего сына на царство, то ответная реплика патриарха Гермогена, состоящая из двух вопросительных предложений, в действительности выполняет косвенную иллокутивную функцию. Он не требует от пришедших ответа на вопросы: на самом ли деле они хотят окончательно разорить царство и погубить христианскую веру и почему не могут избрать на царство русского князя. Он утверждает, что их желание посадить на царский престол сына польского короля Владислава приведет к «конечному» разорению царства и уничтожению христианской веры, и призывает подумать, кого они могут избрать на царство из русских князей.

Увещевания патриарха, приводящего, казалось бы, разумные аргументы, напоминающие недавнюю историю «пакостей» поляков в эпоху правления Гришки Отрепьева, оказываются пророческими, что продемонстрировали последующие события, но тщетными. «И рѣша отъ княжеска и боярска роду патріарху, глаголюще ему: “не хощемъ своего брата слушати; ратніи люді Рускаго царя не боятся его и не слушаютъ и не слушать ему”» [ПСРЛ: 60]. Примечательно, что в обоих случаях реплики собирательного множества начинаются с глагола «не хотимъ», «не хощемъ». Автор словно подчеркивает таким способом эмоционально-чувственную основу намерения людей всех чинов, и особенно «отъ княжеска и боярска роду». Цель Коммуниканта-1 обусловлена эмоциями, а доводы рассудка, приводимые Коммуникантом-2, оказываются бессильны, и потому его коммуникативное намерение остановить очередное преступление, в центре которого все тот же объект (царский престол), не достигает цели. В результате патриарх подчиняется мнению большинства и отправляет послов к польскому королю, «да дастъ имъ сына своего на царство, и да крестится по закону Греческому» [ПСРЛ: 60]. На этом ситуация диалога заканчивается.

И в эпизоде приводится монолог польского короля: «чему мнѣ вѣрити вамъ? у васъ царь сидѣть на царствѣ, а просите у меня сына моего на царство свое; аще ли приведете его сѣмо и съ братію его, то азъ дамъ сына моего вамъ на царство» [ПСРЛ: 60]. Монолог является ответом на обра-

щение послов, но в тексте отсутствует рассказ о посольстве, о приеме его королем, не излагается и сама просьба, она в косвенной форме представлена в предыдущем диалоге. Перед нами — монолог обращенный, требующий от адресатов не ответных реплик, а конкретных, но не сиюминутных действий, которые не заставили себя долго ждать. Вернувшись в Москву послы «глаголюше всѣмъ, еже рекль король. И нѣцы собравшеся отъ болярска роду, измѣнницы и нарушители христіянству, любяще поганскія обычаи и законы, устремиша въ царьскія полаты къ царю, и исторгоша отъ рукъ у него посохъ царьскій, и сведоша ѿ съ царства и посадиша ѿ на своеемъ дворѣ за стражи, и постригоша ѿ во иноческій образъ; и не по мнозѣ времени послаша его съ братію къ королю подъ Смоленско» [ПСРЛ: 60].

Диалог между патриархом Гермогеном и людьми разных чинов и монолог польского короля составляют экспозицию эпизода пленения Москвы, который завершается гипофорой, предельно откровенно выражющей авторское отношение к событиям: «Зрите же, братіе, что сотворися тѣмъ убийцамъ, дядіямъ Михайловымъ? нетокмо царьства лишены быша и своими людми обругани, но въ чюжую страну отданы быша и нужную смерть пріяша тамо, убіенія ради своего сродника, яко не восхотѣша его видѣти въ велицѣй славѣ» [ПСРЛ: 60]. На протяжении всего текста автор последовательно проводит мысль о том, что одно преступление влечет за собой другое. И чем больше проходит времени с момента воцарения первого преступника — Бориса Годунова, — тем серьезнее становятся «скорби и беды» Русской земли, ибо преступления носят уже не единичный, а массовый характер. Не случайно автор как будто намеренно одним из участников диалога делает не конкретное/ых историческое/их лицо/-, а некое собирательное множество, пришедшее к патриарху с преступным предложением свергнуть с престола царя Василия Шуйского и пригласить на царство иноверца. Столь же показателен в этом контексте и тот факт, что монолог польского короля обращен тоже к некоему множеству — русским послам — и исполнителем его воли также становится некое множество: «И нѣцы собравшеся...» [ПСРЛ: 60]. Далее мотив множества находит реализацию в перечне тех, кто составил новое посольство к польскому королю: «...избраша отъ всѣхъ чиновъ всякихъ людей, послаша къ королю по сына его на царство, Ростовского Филарета митрополита да князя Василья Голицына, и иныхъ многихъ, и дворѣ царьской, столниковъ и стряпчихъ и чашниковъ и ключниковъ и сытниковъ...» [ПСРЛ: 60] — и в новом монологе короля, недовольного тем, что «крестъ цѣловаша сыну его на Москвѣ и въ Великомъ Новѣградѣ; а протчіи гради не восхотѣша» [ПСРЛ: 60].

Второй монолог короля состоит из риторических вопросов, основанных на фактах, небезосновательно обличающих преступность поведе-

ния русских людей, и конкретного требования всеобщего подчинения: «что ко мнѣ пріодсте, моляща мене дати ми сына моего на царство вамъ? како ми дати его? вы Рустіи людіе прежде сего своего царя убисте, а нынѣ же своего царя Василія сами своими руками емше, предаша его мнѣ яко пленника: что же сотворите сыну моему? ни вамъ единовѣренъ, ни Русинъ родомъ, но часа того злѣйши того сотворите ему, еже сотвористе своимъ царемъ единовѣрнымъ: но аще вся Русь цѣлууть кресть мнѣ королю, то дамъ имъ сына моего на царьство» [ПСРЛ: 60]. Произнося эту речь, польский король, очевидно, добивался вполне конкретного внешнего перлокутивного эффекта — «аще вся Русь цѣлууть кресть мнѣ королю» [ПСРЛ: 60], но этот же монолог демонстрирует его недоверие к русским послам, да и вообще ко всем русским людям, ибо они убили одного своего царя, а другого привели к нему в качестве пленника. Поэтому данный монолог, обращенный, конечно, к русским послам, которые должны донести его «королевское повелѣніе всѣмъ людемъ» [ПСРЛ: 60], в действительности не был рассчитан на полноценный коммуникативный успех. Каждое упоминание в тексте «О бедах и скорбех...» польского короля сопровождается употреблением по отношению к нему отрицательных, ругательных эпитетов: «Король же поганый умысли, лестію глаголя... Онъ же (король. — О. Т.) безбожный... онъ же умысли поганый...» [ПСРЛ: 60], однозначно демонстрирующих авторское отношение к нему. Но при этом его речи, приводимые в эпизоде, отличаются здравомыслием, объективностью оценки происходящего и элементарным трезвым расчетом, не говоря уже о том, что они показывают его отцовские чувства. Роль этого монолога несколько иная в эпизоде, в нем содержится объяснение дальнейших действий короля, приведших к пленению Москвы: «И посла гетмана пана Жолтовского на Московское государство со многими людми, повелѣ ему привести вся люди ко крестному цѣлованію на его королевское имя» [ПСРЛ: 60]. Гетман беспрепятственно «пріодоша къ Москве и повѣдаша королевское повелѣніе всѣмъ людемъ, и не восхотѣша сего вси людіе, рекоша: “не цѣлуемъ кре́ста королю Польскому”» [ПСРЛ: 60].

Значение этой части в общем сюжете фрагмента огромно.

Во-первых, автор на протяжении всего текста, рассказывая о том или ином событии, исходит из того, что всё происходящее — «грѣхъ ради человѣческихъ» [ПСРЛ: 56]. «Вси людіе всѣхъ чиновъ», пришедшие к патриарху Гермогену и потребовавшие пригласить на царство при живом, действующем царе Василии Шуйском, несомненно, грешат, и их преступное желание вызывает очередные страшные «беды и скорби».

Во-вторых, по мере развития ситуации автор показывает, что преступное желание владеет не всеми русскими людьми, а только «отъ кня-

жеска и боярска роду». Все произведение проникнуто «антибоярскими настроениями». На эту особенность текста одним из первых обратил внимание М. Н. Тихомиров, писавший: «Бедствия, претерпеваемые Великой Россией, представляются автору результатом боярских насилий... Свержение царя Василия Шуйского произошло от изменников “боярска роду”. Польский гетман Жолкевский начал замышлять, как бы обладать таким великим государством, как Россия, “с русскими изменники з бояры”. И в дальнейшем бояре “паки по прежнему кроме всей земли Рустей совету”, т. е. желанию всей Русской земли, пытались сделать царем шведского королевича Филиппа» [Тихомиров 1969: 17–18]. Страдают же от боярского «попечения» «всі люді», не желающие на царство иноверца.

В-третьих, появление в Москве поляков и пленение города происходит, согласно тексту псковского автора, без боя. Польский король посылает гетмана Жолкевского со «многими людми» привести «вся люди ко крестному цѣлованію» [ПСРЛ: 60]. Эти действия вызваны просьбой русских послов дать на царство королевича Владислава, т. е. изначально речи о захвате города не было. Поэтому в эпизоде пленения Москвы, в котором реализуется жанровая форма воинской повести, отсутствует рассказ о подготовке битвы, вместо него — обусловившая последующие события прямая речь героев.

Таким образом, монологи польского короля и диалог между патриархом Гермогеном и людьми всех чинов, отражая мысли, чувства, намерения и волю персонажей, играют в эпизоде пленения Москвы ключевую роль, поскольку не только объясняют дальнейшее развитие событий и движение сюжета, но и демонстрируют расстановку сил накануне пленения Москвы без боя и определяют линию поведения персонажей.

Источники

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. VI: Псковские и Софийские летописи. 275 с.

Литература

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М.: Либроком, 2005. 320 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Платонов С. Ф. Собр. соч.: в 6 т. М.: Наука, 2010. Т. 1 / сост. В. В. Морозов, А. В. Смирнов. 597 с.

- Савельев В. С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Сб. 14. С. 484–516.
- Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 449 с.
- Хализев В. Е. Теория литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/43749> (дата обращения: 16.10.2018).

References

- Borisova I. N. *Russkii razgovornyi dialog. Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue. Structure and dynamics]. Moscow, Librokom Publ., 2005. 320 p.
- Khalizev V. E. *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. Available at: <https://lit.wikireading.ru/43749> (accessed 10.16.2018).
- Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaiia semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p.
- Platonov S. F. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2010. Vol. 1, comp. V. V. Morozov, A. V. Smirnov. 597 p.
- Savel'ev V. S. [Communicative event in the presentation of the Old Russian scribe (based on the Tale of Bygone Years)]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Moscow, Handwritten monuments of ancient Russia Publ., 2010, vol. 14, pp. 484–516. (In Russ.)
- Tikhomirov M. N. *Klassovaia bor'ba v Rossii XVII v.* [Class struggle in Russia in the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 449 p.